

УСАНОВА А. В.

**ИСТОРИЯ ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА В ПРОЗЕ М. А. ШОЛОХОВА
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «НАХАЛЁНОК»)**

Аннотация. Статья посвящена осмыслению принципов художественного изображения исторических событий и лиц глазами ребенка в прозе М. А. Шолохова. В этой связи проводится анализ рассказа «Нахалёнок», в котором возникает мифологизированный образ Ленина, созданный воображением мальчика Мишки. Мифологизация понимается как прием создания художественного образа, направленный на демократизацию восприятия исторического героя.

Ключевые слова: мифологизация, гражданская война, Шолохов, Нахалёнок, Ленин.

USANOVA A. V.

**HISTORY THROUGH THE EYES OF A CHILD IN THE PROSE
OF M. A. SHOLOKHOV: A CASE STUDY OF THE STORY «NAKHALENOK»**

Abstract. The article is devoted to understanding the principles of literary presentation of historical events and persons through the eyes of a child in the prose of M. A. Sholokhov. The author analyzes the story «Nakhalenok» which includes the mythologized image of Lenin created by the imagination of the boy Mishka. Mythologization is understood as a literary technique of creating an image aimed at democratizing the perception of a historical person.

Keywords: mythologization, civil war, Sholokhov, Nakhalenok, Lenin.

Каждая новая историческая эпоха актуализирует свой образ героя, а народ формирует о нем представление, сохраняющееся столетиями. Его истинность безусловна, поэтому «фольклорное» свидетельство превосходит по степени доверия к нему свидетельство «документальное». В общественном сознании исторические личности, изрядно проявившие себя в масштабе жизни страны и судьбы народа, мифологизируются, причем уже современниками (в качестве примера можно назвать имена С. Т. Разина, Петра I, А. С. Пушкина, В. И. Чапаева, В. И. Ленина и др. (См. об этом: [6; 7])). Меняется восприятие образа большого человека, далекого в пространственном и временном отношении: с одной стороны, обожествляется, с другой стороны, укрупняясь, приближается и таким образом подводится под фундаментальные, базисные понятия для упрощения усвоения путем метафоризации и доведения до понятных каждому общечеловеческих универсалий. Прием мифологизации, принятый в художественной литературе, выражает авторское отношение к исторической личности и собственное видение, вводит символизм в повествование и готовит почву для интерпретации авторского замысла.

Мифологизация, по Е. Ю. Додолеву, есть «процесс (и результат означенного процесса) генерации художественного образа (вымысла) на базе реальных исторических событий (биографий и т. п.)» [2, с. 35]. К мифу обращаются сознательно как к инструменту художественной организации накопленного опыта, как к способу «выйти за социально-исторические и пространственно-временные рамки» [3]. Современные теории определяют миф как «некую емкую форму и структуру, которая способна воплотить наиболее фундаментальные черты человеческого мышления и социального поведения, а также художественной практики» [1]. В XX веке «миф стал одним из центральных понятий социологии и теории культуры» [4, с. 29].

Основные типы мифологизма в литературе были сформированы в начале XX века и соотносятся с именами Джеймса Джойса, Томаса Манна, Франца Кафки и Габриэля Гарсиа Маркеса. В отличие от традиционного мифа, новый литературный миф – это один из основных способов иносказания, художественный образ, созданный с помощью привлечения тех или иных черт мифологической образности. Мифологизм представляет собой не только художественный прием, но и специфическое мироощущение, передаваемое в произведении [5].

М. А. Шолохов использует прием мифологизации образа Ленина в исторический период, когда его культ личности безграничен, поэтому фактически писатель фиксирует закрепившееся тогда в обществе восприятие Ленина как божества, сошедшего на землю. И бросающаяся в глаза «простота» Ленина только ускоряла процесс его обожествления. Масштаб его личности и возможностей в воображении народа не имел предела. Простому человеку, не снабженному обширными историческими и политическими знаниями, фигура Ленина представлялась в сочетании общих фундаментальных понятий как что-то неосоздаемое, но в то же время реальное и не лишенное личностных черт, близкое народу.

Так и для мальчика Мишки из повести «Нахалёнок» Ленин – «главный» человек в опосредованном восприятии через рассказы его отца, к которому он испытывает уважение и видит в нем пример, как во взрослом и умудренном жизнью и войной, прошедшей через него, человеке. Для мальчика через него транслируются истины и та самая правда жизни, которую, без сомнения, опытный и мужественный солдат постиг. Очевидно, что и образ отца в сознании Мишки не лишен мифологизированных черт, складывающихся из собственных воспоминаний, рассказов матери и деда и сублимированных в нечто единое и целостное – в большую фигуру, в образец и пример для подрастающего мужчины.

Отец Мишки появился внезапно, заполнив собой духовный и эмоциональный мир сына. Этот огромный для семилетнего мальчика образ, материализовавшись в настоящем, живом человеке, захватил его мысли, его жизнь, явился образцом для подражания. Мишка

слушал его рассказы о войне, о людях и через них познавал тот большой мир, в который ему только предстояло войти. Вместе с этим в нем формировалось и его собственное мировидение. Отец – знающий, прошедший и видевший многое, настоящий герой, родной, теплый и светлый человек – становится нерушимым идеалом и примером, гордостью Мишки. Этот образ, в силу своего возраста, мальчик может понять и осознать только на эмоциональном уровне, посредством сильно развитого в нем воображения, через фундаментальные понятия: доброта, защита и опора, справедливость и мужество, уважение и непогрешимость. Как следствие, отец вызывает абсолютное доверие, гордость и веру.

С отцом в жизнь Мишки входит ещё один объемный, но неосязаемый образ, постепенно увеличивающийся в его сознании – образ Ленина. Представление о нем, сначала загадочном и далеком, впоследствии ставшем близким и родным, принимает универсализованную форму в восприятии семилетнего мальчика. Метафора пахаря, собравшего полосу плугом, воплотилась в Мишкином сне в конкретный портрет незнакомого ему человека: «Идет Мишка по улице, голову кверху задирает, рассматривает, и вдруг, откуда ни возьмись, шасть ему навстречу **высоченный человек в красной рубахе**» [8]. Этот образ такой же реальный для ребенка, как и черти, которые норовят зажарить его на сковородке, по словам поповского сына. Пахарь в красной рубахе с косою саженью в плечах был для него настоящим, вызывающим трепет и восхищение, безоговорочное доверие и легкую боязнь и вместе с тем чувство долга, дарящим ощущение защищенности и уверенность в важности своих будущих дел на благо идеалов, транслятором которых для Мишки и являлся этот «большой» человек.

За самоотверженную и преданную службу делу Ленина сын солдата просит лишь защиты от дедовской хворостины, ведь защита прав бедных и обездоленных от их гонителей и есть то правое дело, во имя которого предстоит воевать.

Отец и Ленин, появившиеся в его жизни одновременно, вызывали у мальчика сходные впечатления: они огромные и светлые, охватывающие необъятное, герои и защитники, но добрые и родные. Однако идеал Ленина, выраженный в высоченном пахаре в красной рубахе, способном перевернуть землю, сформировавшийся по рассказам родного отца, вскоре уточняется. К Мишке попадает фотография Ленина, на которой он оказывается маленьким человеком в пиджаке и с вытянутой вперед рукой. Этот новый облик Ленина он принял и срастил со своим прежним представлением о нем как об огромном человеке, хотя и не без удивления от столь неожиданного расхождения портретов: высокий пахарь в красной рубахе из его сна соединился с маленьким человеком на маленьком кусочке бумаги. Однако с этого момента начинается ещё большее сближение Мишки с хоть и не виданным им ещё, но точно существующим добрым и справедливым вождем. Мишка не расстается с

фотографией Ленина, носит ее под рубашкой у сердца, достает ее и говорит с ней. Эта фотография используется мальчиком как натальная иконка – символ веры, который всегда с собой. Натальной иконке предназначено сопровождать своих хозяев, оберегая от бед, предоставляя возможность обратиться с молитвой за поддержкой и благодарностью к почитаемому святому.

Абстрактный образ уподобляется тем образам, с которыми говорят взрослые в трудную минуту, стоя перед «красным углом» в избе, и которому кланяется дедушка, что-то проговаривая себе под нос перед сном. Мишка уверен, что человек с фотографии его слышит и обязательно защитит, стоит только ему, маленькому мальчику, вступить к нему на службу и служить своей преданностью.

Когда же Мишка лежит на земле в полусне-полубреду, выполнивший поручение деда и нашедший солдат, способных прийти на помощь и разгромить страшных чужаков, убивших его отца, в его сознании мелькают разные образы. Сначала это сам отец, живой, смеющийся, крутящий рыжий ус, за ним – дед, мать, а потом сам Ленин: не большая красная рубаха и широкие плечи с недюжинной физической силой в них, а маленький лобастый человек, указывающий на Мишку рукой. Но фигуру эту не могут обхватить протянутые мальчишечьи ручки – ведь это все тот же большой и священный образ Ленина, его последнего защитника и опоры, навсегда вошедший в детское сознание.

Это постепенное превращение из большого в маленькое и снова в большое претерпел абстрактно-реальный, мифологизированный в сознании Мишки образ вождя. А затем Мишке уже и не нужно было воображать Ленина великаном, чтобы понять его величие. Маленький человек с фотографии наделяется силой, способной взрыть и перевернуть землю и защитить всех бедных и лишенных надежды.

Большая фигура Ленина складывается из мелких деталей по рассказам отца и широких понятий добра, зла и более дробных, конкретных, но обширных человеческих черт.

Сознание Мишки усложняет восприятие Ленина, наделяя одновременно абстрактными и конкретными чертами, в силу буквального восприятия всего, что его окружает. Следует, однако, подчеркнуть, что мифологизация не равна упрощению и некоей схематизации, устраняющей сложную связь всех черт и качеств, присущих и обычному человеку, и, в особенности, выдающейся личности. Напротив, этот процесс создает цельный и разносторонний образ, приближающий его к представителям любого социального слоя и уровня образованности и житейского опыта, не перекраивая его, а лишь описывая на уровне простых, но существующих с самого зарождения человечества универсалий.

Мифологизация образов важнейших фигур в истории отдельной страны или всего человечества делает невозможным их забвение, закрепляя их в массовом сознании, а впоследствии и в художественном пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Габриелян О. А. Мифопоэтика культуры: к возможной методологии исследования // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2018. – Т. 4 (40). – №3. – С. 158–166.
2. Додолев Е. Ю. Мессии. Мифологизация религиозных вождей // Новый взгляд. – 1992. – № 3. – С. 35–64.
3. Лотман Ю. М., Минц З. Г., Мелетинский Е. М. Литература и мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philologos.narod.ru/myth/litmyth.htm> (дата обращения: 21.02.2023).
4. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. – М.: Наука, 1976. – 407 с.
5. Пьянзина В. А. Авторский миф в современной русской литературе // Universum: филология и искусствоведение. – 2019. – № 8 (65). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskiy-mif-v-sovremennoy-russkoy-literature> (дата обращения: 22.02.2023).
6. Шаронова Е. А., Шаронов А. М. Жанровая специфика русского исторического романа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – № 1. – С. 195–200.
7. Шаронова Е. А., Шаронов А. М. О жанровой природе исторической песни: русско-эрзянский контекст // Вестник угрюдения. – 2020. – Т. 10. – № 1. – С. 120–129.
8. Шолохов М. А. Нахалёнок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://booksafe.net/read/sholohov_mihail-nahalenok-59877.html#p1 (дата обращения: 18.02.2023).